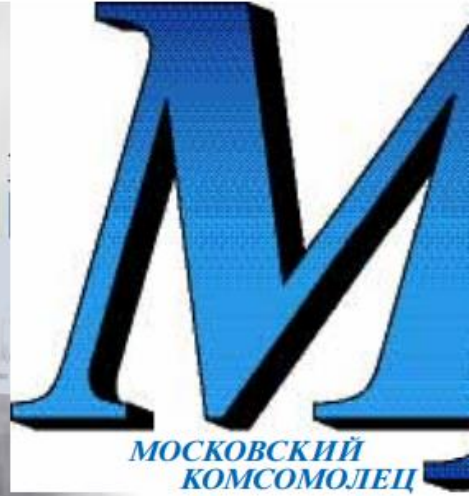

Дмитрий Хворостовский
в детстве.

ФОТО ИЗ ЛичНОГО АРХИВА

ДАЛЬШЕ — ТИШИНА

Последние два года жизни Хворостовского — это гимн человеческой стойкости

О его уникальности как певца теперь расскажут записи — эта невероятная простота и искренность бьет из любой оперной арии, из военной или народной песни, он благородил собой любой жанр. Но гораздо важнее другое. Дмитрий Хворостовский, ушедший от нас вчера ночью, вошел в историю не только своим голосом и харизмой, он стал первопроходцем (если брать людей такого уровня) по части снятия общественных табу. Он не скрыл страшную болезнь, не подчинился ей. Он открыто признался в этом всему миру. И было в этом признании не отчаяние и не начало конца. Напротив: начало самого человеческого, что в нем есть. Смотрите все — я человек! Смерть мне бросает вызов — пусть. Рак — пусть. Но я назло всем начну новый отсчет, и пусть меня никто не жалеет.

Читайте 4-ю стр.

Дмитрий
Хворостовский
в августе
2015 года.

FACEBOOK/NIKOLAI TOBRUK

с 1-й стр.

Не говорил уже, лежал, но... распеваюсь до последнего! О его вокальных достоинствах будет много пафосных слов, но Хворостовский запомнится своей невероятной органичностью: он играл, он так жил. И он победил рак. Победил как стигму, как табу, как запретную и неудобную тему, от которой отводят глаза. Не отводите! Дело не в том, что онкология — это проблема. Вчера чума, сегодня рак, завтра... А дело в том, КАК в этом раке заново обрести себя. Найти себя. И сейчас все его близкие, друзья, без какой-то фальшивой скорби, думают именно об этом уроке Дмитрия нам всем. Ведь всех это ждет.

...Сидя с ним рядом (по счастью, брал прежде несколько интервью), хотелось быть максимально простым и в этой простоте обрести гармонию. «Ой, как трудно выступать перед русской аудиторией, — сетовал мне Дмитрий во время интервью, — на Западе музыку пока еще воспринимают как получение удовольствия, а в России... какое тут удовольствие — тут требуют жизнь отдать». Вот он ее и отдал. Красноярский парень, красавец, сумевший вокруг себя перевернуть мир.

Мировой взлет его был достаточно стремителен, после красноярского педучилища, института искусств, пятилетнего пребывания в солистах Красноярского театра оперы и балета Дмитрий — уже не мальчик — побеждает на конкурсе в Кардиффе, эту мощную статью замечают все, и с этого момента Хворостовский уже нарахвват, тут-то перелом случился быстро — не его стали выбирать, а выбирает теперь он, шествуя по лучшим сценам мира — Коvent-Гарден, Ла Скала, Метрополитен.

Да, как следствие своей занятости, Хворостовский с 1994-го переезжает в Лондон. Но все равно был плоть от плоти, кровь от крови своей земли, крепко стоял на ногах, не закапывался в двойных-тройных смыслах и сразу в любых вопросах видел суть: «И Россия, и Москва меняются семимильными шагами, — говорил он в один из приездов, — да, я радуюсь, что люди стали жить как-то богаче, чем в советское время. Но очень жаль, что дифференциация между слоями населения усиливается... В этом боль».

— Когда уходят такие глыбы в расцвете сил, всегда не понимаешь — откуда эта страшная несправедливость? — говорит **Денис Мацуев**. — Я бы назвал его сибирским рыцарем: эта доброта, благородство, широкое сердце!.. Незабываемая улыбка. Душевная. А уж как личность... в какой-то момент на сцене появилось чудо, которое ворвалось молниеносно. И теперь, если не смотреть видео, не зная, кто это поет, то по одному только голосу понятно, что это Хворостовский. Его тембр неповторим. Его харизма мотивировала всех вокруг. Талант невероятный, под влиянием которого я постоянно находился. И неважно, в каком репертуаре — оперном, или в романсах, или в военной песне. Вот была эта ложная информация недавно — а ведь говорят, что «если раньше хоронят, то человек долго жить будет»; увы, эта примета не сработала.

— Не кажется ли вам, что он открыл новый феномен своим поведением — не стал скрывать болезнь, но боролся за каждый концерт?

— Это абсолютный подвиг. Уверен, сцена дала ему несколько лет жизни. Сцена — великая терапия, она выводит тебя из этого состояния, лечит, дает надежду. И каждый его последующий выход становился событием. Примером для всех. Потому что надо бороться до конца.

...Дмитрий был очень похож на своего отца. Такой же благородный, открытый, седовласый и нежный — никогда не забуду, как сидели все вместе

С женой
Флоранс.

ДАЛЬШЕ — ТИШИНА

втроем в один из приездов артиста в Москву и в каждом шаге и слове ощущались цельность и внутренний строй: «Выпить? Нет, я не имею права «отрываться». У меня же грядет концерт. Поесть ночью еще можно, но выпить... Нет, не пью. Категорически. Другое дело, поздно стал ложиться. Пока был в Париже, ложился в три. А в Москве — в пять утра... нет, надо входить в норму. Много ли друзей? Знаете, лет в тридцать меня тоже окружало множество людей, казавшихся мне друзьями. Дверь нашего дома была открыта для всех, там постоянно кто-то находился. И ночевать оставались... Так, папа? (Обращался к отцу.) Это считалось нормальным и приличным. А потом все эти люди потерялись; они поменялись, и я поменялся. Отношения с папой? Мы давно уже не «отец и сын», но друзья, братья даже. Дня не проходит, чтобы я не позвонил папе по телефону, где бы ни находился».

После чего папа очень трогательно рассказывал, как маленький Дима в детстве увлекался лошадьми, но не в качестве наездника — лепил их из пластилина. Отсюда и дилемма возникла — а не отдать ли сына вместо музыкального в художественное училище? Впрочем, директор училища спас для нас великого баритона.

С родителями.

— Что интересно: его фигурки лошадей никогда не оставались статичными, но будто пребывали в движении, — рассказывал папа Дмитрий **Александр Степанович**, — так этому удивлялся... В общем, прихожу к директору, показываю. А мне в ответ: «Скажите, а он еще чем-то у вас занимается?» «Да, — говорю, — играет на пианино». — «Вот и пусть себе играет!»

Помню, как та встреча закончилась словами Дмитрия — «мне еще нужно лет 20 работать, жить своей цыганской жизнью, чтобы содержать семью и обеспечить себе спокойную старость, успокаиваться пока рано». Никаких двадцати лет, конечно, не прошло.

— Не знаю, не приведи Господь, как бы я поступил в этой ситуации — если бы у меня обнаружили рак, — задается вопросом известный дирижер **Александр Сладковский** (к нему, к его Госоркестру Республики Татарстан Дмитрий не раз приезжал в Казань), — смог бы я выдержать этот натиск? А при такой популярности и любви народной, как у Хворостовского, это еще сложнее на порядок, чем когда ты просто хороший человек. То, что Дима — сильный, было ясно еще и в первой

С Лучано
Паваротти.

его жизни. Но то, что он продемонстрировал во второй жизни, уже в состоянии болезни, — это очень важный урок нам всем.

— К вам он приезжал уже после обнаружения опухоли?

— Нет, в том-то и дело — до. Был не просто здоровым, а очень здоровым. Он дышал радостью, излучал ее. Гедонист, очень любил жизнь. Посмеялся любил, но далеко не на каждую шутку реагировал. Он мог сказать, выслушав «лучший анекдот сезона»: «Что за чушь вообще?» Менялся в лице, у него портилось настроение. Очень избирательный ум. Сам шутил красиво. Великий артист. И никакой никогда позы: если чем-то не доволен, открыто об этом говорил. Сразу. Либо в жесткой форме, либо в... очень жесткой.

— Неужели?

— Он был очень жестким профессионально. Могу это точно сказать. Но в этом и его правда. Наблюдал в нескольких ситуациях его реакции. И я понимаю его энергетика — мы почти в один день родились, оба — Весы по гороскопу. Если что-то не так на репетиции — так посмотрит на тебя (хотя это не меня касалось), что дальше можно уже ничего не говорить. При этом — очаровательный человек, партнер, музыкант, и девушки все, конечно, падали, мечтали, чтоб он обратил на них внимание. Не попасть в сети его обаяния было просто невозможно. И спортом занимался — плавал, в качалку ходил: в райдере, когда он приезжал, обязательно стояло условие, чтобы в отеле был бассейн и качалка... следил за здоровьем. Хотел быть сильным. И после открывшейся опухоли стал еще сильнее, чем он казался прежде.

...Конечно, раньше, в начале 2000-х, академики разбирали Дмитрия «по косточкам», не прощали ему и Анне Нетребко всемирной известности, что только не писали в его адрес — и то, что «во рту у него не слова, а кирпичи, поэтому проблемы с тембром и эстетикой», «сейчас лопнет от натуги», и то, что в одном концерте — якобы — «пел под фанеру», и про «сценический нарциссизм», — в общем, спуска не давали. Тяжело быть первым парнем на деревне: удобная мишень для критики. Но тем и ценнее наследие Хворостовского — он искал себя, искал в разных жанрах — и с композитором Игорем Крутым, и в народничестве, не теряя планки...

— В прошлом году, — вспоминает Крутой, — когда он был на моем творческом вечере на «Новой волне», куда я его упрямил, в принципе, приехать, он сказал, что очень благодарен за то, что я заставил его это сделать — таким, говорит, я запомнюсь.

— Концерт был тогда эмоциональным, очень волнительным. Он выглядел бодро. Помню, как встречал его зал — стоя, и люди действительно тогда поверили в чудо и радовались...

— Да, мы готовились, все было непросто. Ему было тяжело — и морально, потому что он понимал, что происходит с ним, и физически, конечно. На самом деле американские врачи давали ему 18 месяцев, полтора года, когда стал известен диагноз. Сказали это категорично. Но у него был мощнейший организм, он практически на год пережил отведенное врачами время. Год сумел украсть у смерти за счет своей спортивности, своей веры. Он, конечно, жил надеждой, но все-таки понимал, что происходит. Если ты умираешь в полном сознании, это же ужасно. Потом у него все-таки четверо детей, и все они не взрослые, старшим — по двадцатке, Максим — четырнадцать, а Ниночке вообще девять.

— Ваш совместный альбом «Дежавю» имел ремарку «Часть первая». Над второй частью вы так и не успели начать работать?

— Увы. Хотя он постоянно говорил, что хочет

РАК МОЗГА НЕ ОСТАНОВИТЬ?

Почему в последние годы все чаще слышишь об опухолях головного мозга? Фриске, Золотухин, Задорнов, теперь Хворостовский... Стало ли таких заболеваний больше? С этим вопросом мы обратились к профессионалу, онкологу, проработавшему в этой области не один десяток лет.

Георгий Менткевич, зам. директора по научной и лечебной части Института детской онкологии РОНЦ им. Н.Н. Блохина, д.м.н., профессор:

— Если и стало заболеваний центральной нервной системы (опухолей мозга) больше, то не катастрофически. Точной статистики по этому поводу сегодня нет, она — плавающая. Во всяком случае, у взрослых эта опухоль растет, на мой взгляд, не больше, чем раньше. Просто раньше хуже выявлялся рак, меньше о нем говорили и писали, хотя смертность была тоже ужасающей. Если судить по опухолям мозга у детей, то на первом месте у них — лейкозы (40%), на втором — злокачественные опухоли центральной нервной системы (23% — почти каждый четвертый). Дети в этом случае лучше поддаются лечению, выживают около 75% заболевших. Совокупными сложнее. Но и в том, и в другом случаях лечение таких больных достаточно сложное, мультидисциплинарное. При подозрении на опухоль мозга надо очень быстро применить самое точное на сегодняшний день исследование — сделать МРТ. И если все подтвердится, быстро направить пациента в хирургическое отделение, быстро и

качественно выполнить операцию. И после этого — лучевая или лучевая и химиотерапия.

— Дмитрию Хворостовскому после обнаружения рака в Лондоне, наверное, все это делали. Почему ему не помогла «химия»?

— Во-первых, очень важно раннее выявление опухоли мозга. Во-вторых, все зависит от вида опухоли, ее размера, локализации и т.д. Причем есть локализации опухоли, когда невозможно давать высокую дозу облучения. А главная проблема в том, что болезнь очень поздно себя проявляет, когда опухоль уже очень сильно давит на мозг, она большая, что и затрудняет и хирургическую, и терапевтическую помощь. Уверен, в Англии есть хорошие специалисты в этой области, есть современное оборудование, современные специалисты, но опухоли центральной нервной системы, особенно более злокачественные, увы, сегодня неизлечимы.

— На ваш взгляд, распространенность сегодня различных гаджетов, компьютеров может влиять на возникновение опухоли мозга? И если да, то как спастись?

— Спастись не знаю как. Прогресс не остановить. Вы же не хотите ездить на телеге и не пользоваться современными средствами связи? И я не хочу. Сегодня люди по-другому питаются, по-другому общаются, по-другому живут. Эволюция! Единственное могу сказать, если человек по 20 часов сидит у компьютера, ложится спать с мобильным телефоном под подушкой — это однозначно не на пользу здоровью. Он облучается.

Александра ЗИНОВЬЕВА.

— В сущности, он победил рак. Как бы сказал — не жалейте меня!

— Согласна. Об этом надо говорить! Он не хотел жалости к себе. Нет, жалость как сочувствие — понятие замечательное. Но жалость слюнявую он категорически отвергал всегда. И каждый день выходил на сцену, распевался, работал, даже уже тогда, когда технически это невозможно было сделать. А он делал. Он, конечно, победил болезнь. Я до последней секунды была рядом с ним. Мучительно уходил. Но даже будучи в необратимом, тяжелейшем, мучительном состоянии, Дима все равно вышел победителем из этой схватки.

— Вы до сих пор в Лондоне?

— Конечно. Я его родительницей беру и прилечу с ними в Москву. Самое страшное — это родители, чего уж тут говорить. Ничего страшнее в жизни не видела, когда они вчера прилетели... с папой они безумно похожи. И папа поет, кстати, прекрасно. И такой удар.

— Дима уходил в сознании?

— Разумеется, он был под седативными препаратами, чтобы облегчить страдания. Но он все слышал. Не говорил, но периодически открывал глаза: кивал — значит ДА, мотал головой — НЕТ. Всех видел, все понимал. Мы с ним, если так можно выразиться, разговаривали беспрестанно. Флю (Флоранс, жена) мне позвонила в субботу, сказала — прилетай... в воскресенье прилетела. Он уже лежал в клинике. Там же и умер в 3.35 по лондонскому времени. Лондон очень любил. Это был его дом в широком значении. Но он там и жил много лет — там и семья, и дети. Также любил и Нью-Йорк, обожал Метрополитен-опера. И, конечно, там тоже пройдет какая-то акция памяти...

— Где его похоронят?

— В Москве. Мы сейчас занимаемся организацией прощания, выбирается место. Его скоро привезут, дату точно назову чуть позже...

— Это была его воля? Не в Лондоне?

— Конечно. Два родных города — Москва и Красноярск. Дима — русский человек, он гражданин России. Завещал провести прощание и похоронить себя только в Москве. Так и делаем. Дима... навсегда это запомню — он уже не говорил, не мог говорить, но все равно пытался петь. В этом — вся его жизнь. Думаю, что для себя он понял, что его земной путь будет закончен ровно тогда, когда он не сможет петь. Так и получилось.

Ян СМЕРНИЦКИЙ, Артур ГАСПАРЯН.

записывать новый материал. Его голос все это время звучал очень уверенно, мощно, только буквально в последние несколько месяцев он перестал петь.

— Этот альбом был в некотором смысле экстраординарным в контексте и вашего творчества, и его амплуа как классического артиста. Понимаю, что там каждая песня — жемчужина. Есть, наверное, и какая-то самая любимая для вас?

— Скорее всего, «Дежавю», композиция, которая и дала название всему альбому... К сожалению, уже ничего не изменить...

— Я помню его программы с народными оркестрами, — говорит баянист Айдар Гайнуллин, — так вот он одним своим присутствием, своим престижем, этим совместным многоголосием поднимал уровень народного жанра, уровень звучания народных инструментов — баяна, домры, балалайки... Дмитрий шел к народу, и шел разными путями, не только через строгий академический жанр. Это дорогого стоит: потому что народная песня в его исполнении была ближе людям, чем опера, но в то же время — на очень высоком художественном уровне.

■ ■ ■

...Поэтесса Лилия Виноградова, автор текстов для совместного проекта Крутого и Хворостовского «Дежавю», была с Дмитрием в лондонской клинике до последнего. По сути, он умирал у нее на глазах.

— Я потеряла очень близкого человека, — говорит Лилия, — мы знакомы с 2006 года. С первого рукожатия в Риге мне сразу стало понятно, что он мне очень родной. И эта связь никогда не прекращалась. Не прекращается и сейчас, когда его уже не стало. Пронесу это до конца. Нет больше в России такого артиста, как Дима. Пусть в меня плюют, говорят, что есть другие прекрасные, — нет, он один такой. Не только для России. Для планеты. Неплохо бы, чтобы все как-то взяли и погордились бы им.

— Есть такое ощущение, что он как в сказках великан — встал, пробудился в лесу? Он весь из почвы...

— Абсолютно. Дима — это явление природы. Мощнейшее. Как солнце, радуга, тучи, гроза. Очень естественный. Что его отличает от многих-многих-многих... Это анти-пафос, анти-надувание-шек, анти-бравирование, анти-самолюбование. Какой есть, такой и есть.